

Об «атомах» и «индивидах» или как может быть возрождена Россия

Евгений Наклеушев*

Размышления на стыке социальной психологии и физики микромира

Мы вправе опасаться, что в некоторых областях знания
ошибки — древние и совсем недавние — могут укорениться.

Р. Атфилд, эколог¹

В наше время все значительное в науке всего мира является
Западным по стилю и методу независимо от... языка ученого.

Л. Уайт мл., эколог

Это культура человеческой автономии [культура Запада] и,
вероятно, с самого начала культура глубоко атеистическая.

Э. Левинас, эколог

Они [проблемы экологии] проистекают из таких особенностей Западной мысли, как
1) фундаментальное (метафизическое) непонимание сущности природы и
2) исключение природы из сферы действия моральной оценки.

Б. Калликот, эколог

Даже наблюдательные звери сознают, что мы не чувствуем себя
слишком уверенно в этом до конца разъясненном мире.

Р. М. Рильке, поэт

«Коль скоро недочет в понятиях случится, их можно словом заменить... Из слов одних, ярясь и споря, возводят здания теорий.» Так, чтоб не пристать к сонму тех, над кем потешался устами своего Мефистофеля Гете, разберемся с недоразумением, выросшим в истории на *слово* «атом», деформировав и затуманив его простое и ясное — хотя бы в первом приближении — изначальное *понятие*. Все началось, как известно, с того, что премудрые древние греки сидели себе под оливами (или под чем там они любили сидеть), и размышляли, не ставя эксперименты (или, в крайности, ставя самые элементарные — для фундаментальных у них не было ни средств: классические греки были плачевно бедны, и не зря обходились нередко в одежде фиговыми листочками, а то и

*E-mail: emn42@yandex.ru

¹Экологи, по мысли автора, — единственные на Западе свежие мыслители, пытающиеся реформировать его зашедшую в тупик усталую традицию.

без тех, и питались раз в день, — ни развитой технической базы, ни нашего усталого — и, дерзаю судить, болезненно переразвитого — недоверия к спекулятивной мысли, но, прямо напротив, вдохновлялись те греки довлевшей в их культуре уникальной в истории верой в человеческий разум, способный-де решить любую задачу путем достаточно глубоких размышлений и честных споров мыслителей), так вот, размышляли они в частности, делится ли материя беспредельно, или делимость ее имеет естественный предел — *неделимое*, по-гречески *атомос*, по-нашему *атом*. Надо сказать, что, вопреки школьным прописям, создававшим, по крайней мере в годы ученичества автора, и, возможно, по небрежности составителей, впечатление, что атомарность вещества была доказана уже теми самыми греками, ни до какого подобного консенсуса они не dospорились, и самый многоученный и трезвый среди них, Аристотель, резюмировал означенные споры в том ключе, что много нелепого следует, если принять материю делящейся беспредельно, — но много же следует нелепого, и если принять противное.

В 19 веке техника эксперимента и культура его истолкования выросли настолько, что убедили химиков (исключая злостных позитивистов) в существовании химических элементов, делящихся на предельно малые корпускулы, не распадающиеся и не синтезирующиеся ни в каких химических реакциях, сиречь к открытию в опыте *химических* — то есть именно и *только* на уровне энергетики реакций химии! — *атомов*. Поскольку, однако, химические реакции были самыми энергомогущими из тогда известных, «само собой» сложилось в умах ученых убеждение, что атомы химические являются и *физическими*, — соответствующими *окончательным неделимым* древних спекуляций. Так слово «атом» обрело, и по традиции сохранило донныне превратное понятийное наполнение. Это недоразумение не только сбilo с толку многих серьезных исследователей, когда были открыты гораздо более мощные, чем химические, ядерные реакции (происходящие в ядрах химических атомов и ведущие к их распаду и синтезу), но в известном смысле продолжает дезориентировать и наших современников. Как ни странно, автору нигде в печати не встречалась простая, кажется, мысль, что к *неделимым* древних наиболее *приближаются* в современной физике такие элементарные частицы как электроны, фотоны и нейтрино. Приближаются в том смысле, что не делятся на более фундаментальные составляющие, хотя и «распадаются», приходя в перевозбужденное энергетическое состояние, на . . . элементарные же частицы. (В отличие от них, более тяжелые частицы, также называемые по установившейся традиции «элементарными», — мезоны и адроны — «состоят» таки некоторым замечательно парадоксальным образом из . . . еще более тяжелых, чем они сами, кварков /слово «кварки»— заимствованное физиками из лексикона британских эксцентриков для обозначения ультрапарадоксального даже для привычных к парадоксам физиков явления — можно, кстати, весьма адекватно перевести на современный русский сленг как «прибабахи»/, те, в свою очередь, — из субкварков, еще более тяжелых, чем кварки, и т. д. . . ., — но это уже тема для другого, пусть и тоже интересного, разговора.)

Для чего эти естественнонаучные тонкости в статье, обращенной в первую голову к гуманитариям? А дело в том, что, как многократно замечали культурологи, культуры едины во всех своих проявлениях, и все великие достижения, как и грандиозные заблуждения, совершаемые в одной из их областей, оказывают влияние на все другие. В свое время один из самых выдающихся физиков 20 века, Ричард Фейнман, задавался вопросом: если бы нашей культуре суждено было погибнуть, и мы могли оставить в

наследство потомкам всего одну сентенцию, что следовало бы предпочесть? И избирал: «Вещество делится на атомы», — как суждение, наиболее плодотворное в истории знания и целой культуры. И был блистательно прав — и роковым (но характернейшим для представителя Западной культуры) образом заблуждался. Ибо идея «атомарности» материи оказалась, как мы увидим в свете физики микромира, справедливой лишь *односторонне*, а между тем в течение веков (ее приняли как *мощно довлеющую* — при всем частном скептицизме скептиков — в арсенал западноевропейского мировоззрения задолго до того, как химики нашли ей «экспериментальное обоснование») формировала личность европейца и соответствующее развитие Западного (а потом и целого вестернизированного мирового) сообщества, как *всецело верная*. Сама Западная трактовка личности как *индивидуума* (совершенно кстати чуждая всем иным культурам, как бы ни высоко развитым, — и, разумеется, христианству, лежащему, как уверяют нас культурологи, наряду с греческой мудростью и римским правом, в основаниях Западной культуры) прибегает к латинскому термину, означающему в точности то же, что и греческое *атомос: неделимое*. И если самозамкнутые атомы древних требуют как своего логического дополнения разделяющей их *абсолютной пустоты*, то ту же безысходную отделенность человека от человека предполагает концепция «индивида». И «атомарность» вещества, и тем более «индивидуальность» личности, были приняты на Западе прежде любых «доказательств» — просто потому, что представляются «самоочевидными» довлеющему с начала Нового времени (если не намного раньше) инстинкту Западного мироощущения. И так принятые, они принялись усердно выпалывать все обратные им — то есть как раз самые просоциальные его инстинкты. Так, во второй половине 18 века представители классической буржуазной политэкономии, французские физиократы, учившие, как обустроить экономику соответственно «*власти законов природы*» (откуда и их название), возмущались «абсурдным» поведением соотечественных крестьян, безвозмездно помогавших друг другу в горячке сезонных работ и ряде иных случаев. То, что традиционные сельские быт и труд наиболее очевидным — и притом самым *естественным* — образом не укладываются в представление об обществе, как исключительно арифметической сумме человеческих атомов-индивидов, попросту не входило в те ученые головы.

В начале 20 века, с выходом физики на уровень, когда некое *подобие* умозрительных атомов древних удалось наконец прощупать в экспериментах, обнаружилось, что «атомарность-корпускулярность» лишь односторонне объясняет и то, что имеет место в самой что ни на есть природной физике микромира. Освальд Шпенглер с характерной для него исключительной проницательностью к духу культур заметил тогда, что в современной ему физике происходит *распад* традиционной для познавательного инстинкта Запада «фаустовской» картины мира. Мучительными усилиями международного коллектива виднейших физиков 20–30-х годов была построена квантовая механика, неплохо работающая в описании физической реальности микромира на уровне математических формализмов, — но категорически не поддающаяся доселе любым попыткам *развернутого понятийного истолкования* того, какие же именно явления те формализмы описывают. «В сущности никто не понимает квантовую механику», — констатировал тот же, выше упомянутый Ричард Фейнман, сам внесший в нее весомый вклад. («В сущности, теоретическая физика слишком трудна для физиков», — согласился с ним один из крупнейших математиков века Давид Гильберт.) Характерным образом,

сами физики сравнивают квантовую механику с дальневосточной (даосской и буддистской) мистикой — в свою очередь категорически чуждой принятому в мировой науке общему стилю мышления, остающемуся до сих пор чисто Западным. Дело в том, что, как отмечают культурологи, Западная культура стоит (в коренном отличии от культур Дальнего Востока) на принципе исключенного третьего, гласящем, что любое суждение либо истинно, либо ложно (и, соответственно, ему обратное либо ложно, либо истинно), — третьего-де не дано. Между тем, самая авторитетная, копенгагенская, интерпретация квантовой механики опирается на *принцип дополнительности* Бора: дополнительности *корпускулярного — и обратного ему непрерывно-волнового* описаний одних и тех же микрообъектов, — описаний *несовместимых* с позиции догмы исключенного третьего. С волновой точки зрения, данный электрон *A*, квартирующий, например, в определенном атоме водорода, связанном в молекуле вашей ДНК, есть не «корпускула-атом», а одно из возбужденных состояний («всплесков») универсальной электронной волны, пронизывающей целую физическую вселенную. В самом деле, в случае жесткого соударения означенного электрона *A* с электроном *B* физически бессмысленно вопрошать, какой из разлетевшихся в результате этого микро-Чернобыля электронов был «*A*», а какой «*B*».

Еще точнее и парадоксальней: в *самом микромире нет* ни «волн», ни «частиц-корпускул-атомов», но имеется нечто, не вообразимое и не описуемое нашими понятиями, образами и моделями — любыми вообще *наглядными* средствами (ни даже восходящими от наглядного «абстракциями»), с необходимостью подчерпнутыми или скомбинированными из деталей опыта окружающего нас *макромира* [просьба к наборщику не путать *макро* и *микро*]. В последнем всякий объект есть (во всяком случае на *очевидном уровне*) или волна, или не волна (дом, камень, наше тело . . .) Вот течет река, проливаясь через стоки плотины, вот идет вниз по реке волна, и плывет мяч — *макро*-аналог корпускулы-частицы. Что произойдет с волной? Вполне ясно: часть ее уйдет в стоки, причем во все сразу, а другая отразится от глухих участков плотины, и пойдет вспять. А что станет с мячом? Тоже ясно: для начала он либо ударится о глухой участок плотины и слегка отскочит, либо сразу уйдет в сток, и притом только один. И никто в *макромире* не видел волны, которая вела бы себя, как мяч, ни мяча, который вел бы себя наподобие волны. Но противоречия «волн»и «корпускул»нет в *микромире*, ибо там они просто *объективно не разделены* (как не разделены в дальневосточных трактовках Абсолюта материальное и идеальное, добро и зло, мужское и женское, . . . — *все* вообще *оппозиции* очевидной нам поверхности бытия) — так, по крайней мере, истолковывает реальность *микромира* автор. Их «разделение»происходит в экспериментах, где электрон (автор обычным для физиков образом использует здесь термин «электрон»как синоним «элементарной частицы вообще») взаимодействует с *макроприбором*. При этом волновые свойства электрона обнаруживаются в одной серии опытов (например, при измерении его импульса, то есть количества движения), а корпускулярные — в другой (например, при установлении его координаты), и серии эти в принципе несовместимы ни практически, ни теоретически (принцип соотношения неопределенностей Гейзенберга — другой кит квантовой механики — категорически исключает возможность любым, пусть самым хитрым и опосредованным, способом точно установить импульс и координату электрона *разом*). На вопросы о своих физических характеристиках, задаваемые нами посредством экспериментов, электрон может ответить нам только на языке

посредника-макроприбора, который, как и всякая часть макромира, знает волновое и корпускулярное только как разделенные и взаимоисключающие. Все сие происходит совершенно объективно: квантово-механические эффекты регистрируют уже бесстрастные и не рассуждающие приборы, на них работает и в отсутствие надзирающего человека электроника, — и не нуждается ни в каких субъективно-идеалистических истолкованиях. Их придумали от отчаяния люди, пытавшиеся хоть каким-то традиционным (если не для физики, так хоть для философии) образом «изъяснить» вещи, объективно не изъяснимые средствами интеллектуальной культуры Запада (где, в частности, по контрасту с классическими представлениями Индии и Китая, Абсолют, он же здесь личный Бог монотеизма, не только не объединяет в себе противоположности, например, добра и зла, но, прямо напротив, являет собой *полос* Сверх-добра, что в этой традиции святотатственно оспаривать².)

Выходит, резюмируя, по видимости, «тупик» мудрых греческих споров, Аристотель констатировал, пусть и вряд ли о том подозревая, глубочайшую онтологическую истину: нелепо считать материю ни делящейся беспредельно (то есть *односторонне* «непрерывно-волновой»), — ни принимать противное (то есть ее *одностороннюю* же «атомарность»)!

А теперь обратимся к людям, ради которых прежде всего толковали мы о хитростях микромира (интересных пытливому уму и самим по себе).

Гуманитарий Сергей Аверинцев написал как-то (прекрасно по идее, но в терминах, простительно гуманитария, не самых адекватных) об идущей от греков «евклидовой психологии личности» (для нас, психологии «индивидуально-атомарной»), — и об идущей с Ближнего Востока, в частности через Библию евреев, «неевклидовой психологии без личности» (у нас, «непрерывно-волновой» — в пределах данной культуры, религии, этноса и других жизненно важных людям единств, а на других уровнях — целого человечества, всего живого на Земле — и, наконец, как догадался, верно, пронизательный читатель, до признаваемого, или нет, но жизненно необходимого единения всего сущего с Богом). Последний тип психологии имеет свои вершины в мировых религиях, а в литературе Нового времени — в творчестве Достоевского (одна из центральных идей-ощущений которого: «*Все за всех виноваты*», — поражает воображение Западного читателя либо как откровение нездешней мудрости, либо — гораздо чаще — как беспардонный абсурд!)

Ныне призывают нас пылкие культуртрегеры отказаться от нашей «архаичной» — с Достоевским и православными корнями ментальности (автор, заметим для ясности, не православный ортодокс, а еретик-богоискатель, коего сожгли бы ярые ортодоксы любой религии, — но православные корни в себе признает с благодарностью) — и принять «общечеловеческие», читай, узко Западные, ценности. Те самые, выстроенные в первую голову вокруг личности как «атома-индивида», злосчастно погруженного в «абсолютную пустоту» (трактовка вакуума как «абсолютной пустоты» целиком устарела и для современной физики: прямо напротив, вакуум оказался в ней способен взаимодействовать с веществом — и даже породить целые вселенные!), и способного, если он сколько-нибудь логически трезв, признавать разве что «умершего» Бога. И не беда-де,

²Дополнительность — в смысле Бора, стремившегося показать также универсальное значение принципа дополнительности, — монотеистической и дальневосточной трактовок Абсолюта автор постарался показать в своей книге «Введение в унологию, или единое знание», Ярославль, 2001, главы 11 и 12.

что Запад переживает ныне *тотальный* духовный кризис, зато как цветет экономика! Положим, экономика цветет так, что грозит задушить в ближайшие десятилетия, как болотная ряска запущенный пруд, целую биосферу, и с 60-х годов на самом Западе раздаются настойчивые голоса, требующие «нулевого роста» (что тоже абсурд — жизнь невозможная без роста — *нужен рост — в другую сторону*, то есть коренной пересмотр всей парадигмы Западного существования). А что до того, что Запад, как Мальчик с пальчик, выходит де цел и все более успешен из любых кризисов, позвольте напомнить, что когда истекло время античных цивилизаций, ни одна из них не рухнула столь тотально и страшно, как Римская, и что единственным уцелевшим тогда ее отростком оказалась как раз привитая с Востока христианская церковь. И что задолго до того поняли самодовольные, но отменно трезвые в том, что касалось их жизненных интересов, римляне: «С Востока — свет, с Запада — *техния*» (термин, объемлющий в латыни не только технику, но и юриспруденцию, и науку... — всю вообще сумму рационального, то есть именно об *атомарной* стороне мира, знания). Ныне же тщатся уверить нас те же бодрые культуртрегеры, что в *технии-то* и заключен весь потребный человеку свет.

Между тем, вырастающая из единого сокровенного корня истина человеческого (как и физического, и всякого вообще) бытия двойственна на видимой нами его поверхности. Человек и драматически (иногда трагически) отделен от человека — и неразделим с ним (как не уставал утверждать и один из последних мудрецов Запада Карл Густав Юнг, иллюстрировавший это положение образом стеблей гиацинта, кажущихся независимыми организмами, а между тем вырастающих из общего им параллельного поверхности земли корня). Невозможно повредить другому, не повредив и себе. В глубине души это знают и самые толстокожие, и вот почему, как свидетельствует самый термин *садомазохизм*, садизм неотделим от мазохизма. Вглядитесь в облик, вслушайтесь внимательно в интонацию торжествующего за чужой счет негодяя — в них всегда заметен оттенок гаденького сладострастия, упивающегося и собственным испытываемым при этом мучением.

Истина двойственна, но лишь одна ее сторона прямо растет из сокровенного корня — другая опосредована и вторична. Что признал Рим, где впервые родился самостоятельный, односторонне сильный *технией* Запад (в отличие от Эллады, где нарождавшийся Запад остался связан родовой пуповиной с Востоком — что и обеспечило уникальную яркость «греческого чуда» — и в чье лоно сумела потому вернуться с исходом античности и еще тысячу лет жила, и порой ярко цвела Византия), — признал фразой: «С Востока свет...» Нельзя ведь обойтись жизни без света, хотя *можно*, пусть и с большим трудом, перебиться без развитой *технии*. И слишком сложна и трудна жизнь людей, чтобы долго обходиться без изначального источника света — Бога (причем «обходиться»-то удастся всякий раз лишь быстро иссякающей инерцией былой веры). Бог же может быть ненатурно воспринимаем только человеком *непрерывной* психологии (Толстой писал о прекрасной простоте, с которой умеют говорить о Боге [в Европе] только русские священники. Автор не раз наблюдал по американскому телевидению популярнейших проповедников — все смотрелись как клоуны без чувства юмора. Так, знаменитейший из них Билли Грэм принялся в начале 50-х годов уверять своих прихожан — и не уставал несколько лет — что в раю они будут разъезжать на «кадиллаках». Ныне этих клоунов показывают и по нашему телевидению.) Ныне, как видят все, способные и не боящиеся видеть самое жуткое, колеблется вокруг нас целый мир послеантичных цивилизаций. В

ближайшие, надо полагать, десятилетия решится, падет ли только современный модус существования Запада и целого вестернизированного мира, или обрушится развитая культура всех стран мира, и не на одном Западе, как некогда, а повсеместно воцарятся новые «темные века», или того более — погибнет все и вся, включая, может быть, целую загубленную технобесием современного человека биосферу. Именно так стоит вопрос вопросов современности: *быть или не быть* развитой культуре — если не целой жизни на Земле? Присоединиться бесповоротно к довлеющей в современности вере в *технию* как целый потребный человеку свет, значит уже вскоре *не быть*. И, выходит, истекают последние сроки, чтобы возродить тот полузадушенный в нас Восток, что «ходит перед Богом». Выжив, можно будет основательно заняться и *технией*. Обе стороны истины должны — и будут — рано или поздно инкорпорированы в ткань и дух всечеловеческой культуры — лишь бы выжило человечество. Запад и Восток сойдутся, вопреки Киплингу, и лишь тогда человек получит возможность создать достойное всего лучшего в человеке общество. Мы хорошо знаем мерзости Восточного способа бытия, но только те, что *ничего не знают* о Западе (а, главное, *ничего* — кроме собственных радужных о нем фантазий — *знать не желают*: для умеющих читать есть ведь книги, написанные писателями Запада; для умеющих видеть есть его фильмы), могут воображать, что Западный образ бытия лучше Восточного *в целом*, а не в специфических деталях, обеспеченных превосходством все той же *технии*, но *сторонних* живительному свету. В этом — роковом для духовного и душевного здоровья человека — смысле безблагодатности, обусловленной отсутствием собственного, а не заемного, и с необходимостью лишь превратно понимаемого типичным человеком Запада света, Запад — *самая несчастная и больная цивилизация* на Земле («Что вы думаете о Западной цивилизации?» — спросили Махатму Ганди. «Думаю, это была бы неплохая идея», — ответил Ганди. «Дикари живут на Западе», — констатировал антрополог Эрик Лундквист, изучавший культуры папуасов, — а до него Марк Твен и Бернард Шоу.), и никакой материальный комфорт, презумпция невиновности и прочие сладкие права и свободы личности (без коих жить на Западе — обратим на это внимание! — было бы просто невозможно, как очевидно показал откровенно самоубийственный пароксизм фашизма) не могут это перекрыть. Юнг не уставал повторять, что для здравомыслящих представителей всех иных культур вечно снедаемый беспокойством (цена безысходного одиночества) человек Запада *неизлечимо безумен!* А его *техния*, способная лишь атомизировать (ср. суждение авторитетного на Западе философа истории Арнольда Тойнби: «Запад способен гальванизировать и разъединять, но ему не дано стабилизировать и объединять . . . Отсюда можно заключить, что человечество не сможет достичь политического и духовного единства, следуя Западным путем.»³), может только убаюкать комфортом одних, подорвать или извратить волю к благу других, озлобить и дать оружие невиданной разрушительной силы в руки третьих . . .

Заметим, что дух времени — дух заката Западной цивилизации — резко снижает ныне и собственный потенциал *технии*. Научно-технический прогресс все разительней отстает от того, что прогнозировалось экспертами десятилетия назад (раньше было наоборот!). Все густеет над миром тень «глобального Востока», но «Востока с минусом», обезбоженного и обезчеловеченного — в главной степени усилиями культуртрегеров За-

³ А. Дж. Тойнби, «Постижение истории», М., 1991, стр. 597

пада. Все более цепко «у мира крепит на горле. . . пальцы» — не «пролетариат», конечно, но исподволь тоталитаризирующий повсюду бюрократический истэблишмент (о чем настойчиво пишет Александр Зиновьев — и многие уроженцы самого Запада, уже в 60-е годы заметившие — была книга с таким названием во Франции — «Гитлер выиграл войну!»). Как трезво заметил Иосиф Бродский, Западом лично отнюдь не обиженный:

Скучно жить, мой Евгений. Куда ни странствуй,
всюду жестокость и тупость воскликнут: «Здравствуй,
вот и мы!» Лень загонять в стихи их.
Как сказано у поэта, «на всех стихиях. . .»⁴
Далеко же видел, сидя в родных болотах!
От себя добавлю: на всех широтах.

* * *

В этом странном окаянстве
как живу я, чем дышу?
Шум и хам царят в пространстве,
шумный хам и хамский шум.

Игорь Губерман

Еще один важнейший момент. «Безумен возлагающий надежды свои на человек», — сказал кто-то из отцов церкви, кажется, Августин Блаженный. Ему во всяком случае принадлежат слова: «Когда человек живет по человеку, а не по Богу, он уподобляется дьяволу». Ныне «социоцентричный» (при «атомарном», разумеется, понимании социума) в своей мощно доминирующей струе гуманизм Запада терпит столь же очевидный крах, как некогда гуманизм античный. Человек фантастически вариабельное существо, почти богоподобно прекрасное и мудрое в своих лучших, но, увы, исключительных, *маргинальных* образцах, а в подавляющем большинстве своих *естественных* проявлений — тяжело нездоровое и невротичное. О многочисленных кричащих дисгармониях физиологии, психологии и социальности человека не в морализаторском, но чисто объективистском научном ключе написал две книги Мечников, причем вторая из них — «Этюды оптимизма», написанная с целью выправить слишком мрачную картину «Этюдов о природе человека», производит, вопреки установке ее автора, еще более гнетущее впечатление. История и этнография подтверждают дисгармоничность социальной природы человека более, чем достаточно. «Худших везде большинство» и «Большинство зло», — сказал Биант из Приены, один из свято почитавшихся греками «семи мудрецов», воспитавших на переходе от архаики к классике Элладу для роли свершительницы «греческого чуда» («Человек человеку — волк!») — более чем согласились с Биантом суровые первостроители самостоятельного Запада, римляне). Биант, как впоследствии Августин, и как мы сегодня, жил в переломное для культуры, а, значит, страшное время,

⁴ Не в обиду эрудированному читателю, позволю себе на всякий случай напомнить, что эта усеченная цитата из Пушкина полностью выглядит так:

На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

и видел человека в его неприкрытом естестве. В подобную же эпоху жил предводитель викингской дружины Эльвир Детолюб, о котором рассказывают исландские саги. Прозвище это он получил от своих раздраженных дружинников, когда воспретил им их любимую в походах забаву, бывшую к тому же отличным воинским упражнением: они подбрасывали в воздух младенцев и ловили на острия копий. Странно для своего времени и должности поступил тогда Эльвир, крайне странно! И хотя был он в походах удачлив (почему и повествует о нем не одна сага), вряд ли собиравшиеся в последующие экспедиции викинги так уж теснились под его стяг...

А в 1000 году маргиналы эльвиры победили железное правило, и не имевшие государственности исландцы не без крика язычников, но без боя (!) приняли христианство всеобщим народным собранием острова.

Как могло такое случиться?!

Никак! — если б верна была теория личности как «индивида-атома». Но человек не способен *жить* — лишь выживать на пределе сил в ограниченном времени — в своем *естественном* состоянии, когда худших везде большинство, и правит самоубийственное зло худших. Человек может сносно жить только чудом культуры, подчиняющим худшее большинство исключительному меньшинству лучших — и притом *преимущественно без насилия* (нам ли не знать теперь, что и лучшее превращается в худшее, будучи навязываемо голой силой). Это значит, что большинство худших принимают тогда лучшее (*в основном помимо агитации* — чью природу обратишь самой по себе агитацией!) как *свое*, — и перестают таким образом быть худшими. А те, что ими все-таки остаются, становятся в такие времена исключениями (их жалели в русском народе в старину, как людей несчастно уцербных) — так что серьезный человек может тогда вполне искренне обращаться к обыкновенным людям: «Люди добрые!...» А это, в свою очередь, значит, что свойства лучших «перетекают» в такое время к прежним худшим в некоей *непрерывной* психологической среде. По крайней мере, только так удастся автору объяснить чудо культуры, а если кому-либо такое объяснение покажется слишком фантастичным, пусть попробует тот предложить более правдоподобное, — и автор от души его поблагодарит!

Да, сказанное звучит сказкой для нас, научных совсем другим опытом. По крайней мере со второй половины 19 века повсеместно в мире начинается то, что для случая России Достоевский обозначил как «потерю благообразия» в народе, и чью последующую фазу Ортега-и-Гассет определил как «восстание масс». Уточним для не знакомых с его концепцией, что речь идет у него о массах не пролетарских, а *бескультурных* (пересекающихся с первыми лишь частью, пусть и весьма значительной), к коим принадлежат и иные владетельные герцоги, но не те из батраков, что не порвали с культурой. Мережковский еще прежде назвал то же движение «грядущим хамом» (поздней — «хамом торжествующим»), а Бердяев, на взгляд автора, наиболее емко — «*волей к бездарности*». За всеми этими приметами стоит для нас одно и то же: атомизация общества, естественно приводящая к потере *влияния* (то есть *вливания* — какое точное слово предоставляет нам для сего случая мудрость языка! — еще очевидней, например, английское *influence*, с его буквальным значением *вливания* и понятийным наполнением *влияния* же) лучших исключений на большинство. Во все времена большинство не постигало сколько-нибудь основательно ни глубин мировых религий, ни тонкостей высокого искусства, ни сложностей наук, но *здравый* смысл (по-английски *common sense*,

то есть *общий* смысл — *общий со здоровыми умами* и душами — атомизированным массам по определению не доступный) диктовал им пытаться в меру сил ориентироваться и почти безропотно выносить на своих плечах благодатное бремя развитой культуры. Отказ от этой добровольной по преимуществу дани почтения и составляет существо восстания масс против становящейся им теперь целиком чуждой и «не нужной» высокой культуры. Этот отказ лишь вторичным и частичным образом связан с политическими течениями Новейшего времени, начинаясь задолго до того, как оформляются большевизм и фашизм, и ранее всех в США, избежавших доселе, за единственным временным помиранием маккартизма, заметных побед политического экстремизма. Он продолжается, все усугубляясь, повсеместно донныне, и чреват все новыми, еще невиданными, социальными бедствиями. Тривиально, что некоторые из них могут быть спровоцированы упадком экономики или привычной политической мощи, или культурного самостояния наций. *Принципиальней*, что прямо обратные изменения национальных ситуаций «к лучшему» способны заставить прорваться (особенно в случае США, но также и на Западе в целом — прозрачный намек на то явили уже натовские бомбежки Югославии) на политическую поверхность те же самые социально-психологические процессы массового одичания — и, весьма возможно, в формах еще худших, чем известные нам по 20 веку.

В этих глобальных условиях разговоры о якобы происходящем в России «национальном возрождении» звучат как непристойная шутка. Редко в нашей суровой истории был столь губительно атомизирован наш редкостно же солидарный в своей норме народ. Сравнительно недавнее омерзительное футбольное побоище в центре Москвы — одно из наглядных тому свидетельств.

Многие говорят, что Россия — главный полигон современной истории. Автор полагает, что это справедливо. Тем больше лежащая на нас ответственность.

Что же приведет нас к национальному возрождению? Очевидно, что любые усилия смогут принести в лучшем случае лишь косметические *подвижки* (здесь как раз уместно это рыхлое словцо, измышленное темными-бюрократами) до тех пор, пока не созреют в нас силы для подавления восстания масс. Не танками, конечно, — и даже не самыми мудрыми в мире законами (которые никому не придет в голову исполнять). Наша такая *скромная* (то есть, вот жуть-то, — *скрывающаяся* интеллигенция — по контрасту ближайшие к нашей «скромности» слова Западных языков буквально означают всего-то *умеренность*) должна будет когда-нибудь осознать свою ответственность незаменимого и *практически единственного* в разлагающихся массах фермента, способного восстановить народ почти из ничего (на что уже в 60-х годах прозрачно намекал героически мудрый Григорий Померанц). Наша церковь, если суждено ей у нас устоять (а не быть вытесненной новой религией, которая сумеет дать достойный ответ на вызов времени), должна будет нравственно возглавить это движение. И наши массы должны будут *встречно захотеть* заново стать народом, а не быдлом, мечтающим о властно злобном, но таком понятном быдлу, низколобом вожде.

Короче, нас спасет только духовная революция, вряд ли меньшая (скорее большая — ибо слишком много пришло сейчас к концу мировых жизненных ритмов) той, что принесло в свое время миру христианство (и иные мировые религии).

Наивно возражать, как А. Панарин в своем интервью ЗС в № 5/97, «вовсе не считающий, что наше поколение лучшее в духовном смысле», а потому не видящий у совре-

менности «шансов предложить... религию, равную той, что предложило в свое время христианство». Разве из высокой в целом духовной жизни тогдашних иудеев выросло христианство? Вот уж не так оценивали дорогих современников яростные их обличители, Христос и Иоанн Креститель! «Где мудрец?... Где совопросник века сего?»— сетовал и позднее апостол Павел⁵. Христианство было как раз ответом на страшный кризис духовности своего времени. Как говорят на сей счет даосы, «когда думают, что пришел конец всякой истинной вере, — тут-то она только и начинается!»

Если эта многими чаемая духовная революция никогда у нас не произойдет, мы с неизбежностью вымерем, как вымерли в истории подавляющее большинство когда-либо существовавших народов. И с большой долей вероятности с нами вымерет тогда все человечество.

⁵1 Кор. 1:20.